

«КУЛАЦКОЕ ПЛЕМЯ»

Павлу Александровичу Нечаеву идет девятый десяток. Время итожить прожитое. Он это сделал, написав бесхитростные воспоминания, которые озаглавил «Судьба моя и моих близких».

Судьба его была богата на испытания, но не оригинальна: таких судеб – десятки тысяч. В этом читатель убедится, прочитав часть нечаевских мемуаров. Предварительно отметим, что Павел Александрович – 1918 года рождения, его семья проживала в селе Нижняя Каменка Алтайского района Алтайского края.

«В нашем селе раскулачивать начали в 1928 году. Отбирали у кулаков подчистую все, даже постель, белье, гармони и посуду. Уже в 1929 году была сослана на север первая партия кулаков.

Мой отец все время считался середняком, под раскулачивание не подходил, и нас не шевелили. Мы никак не думали, что нашу семью могут раскулачить.

В марте 1930 года, ночью, к нашему дому подъехала одна подвода. Повозочный и милиционер сказали: «Собирайтесь, вас выселяют. Можете запрячь одну лошадь и грузите на нее, что хотите. Поедете в районное село Алтайское, там вам укажут, куда ехать».

Мама с Андреем (старший брат) погрузили все необходимое и сели последний раз поужинать. Сидим, слышим – Казер завыл. Это наша собака, которую продали на зыряновский хутор Сухоруковым. Казер, как чувствовал, прибежал нас провожать.

...В селе Алтайском мы жили на квартире до мая. В начале

месяца собрались переезжать в указанное место. Нас, всех «кулаков» Алтайского района (примерно семей около тысячи), сосредоточили в большом логу в Каимских горах. В этом логу была роща, где все разместились. Поставили телеги, натянули палатки и стали жить.

В основном, были здесь старики и женщины с детьми, один одного меньше. Мужчин очень мало – они все в тюрьмах по разным городам. Наш отец пришел в Каимские горы с «принудилочки» (принудительные работы).

Кончилось лето, дело пошло к зиме. В палатках жить уже невозможно. Тогда нам разрешили возвращаться.

В свой дом въехать не позволили, велели жить у кого-нибудь на квартире. Вот какое издевательство: свой дом стоит пустой, а вселиться в него не смей. Мы поселились к живущим недалеко от нашего дома Перышковым (наша кума вдова Христинья и ее 18-летний сын Пронька).

Отца сразу взяли в районное село на «принудилочку». Андрей ездил работать у разных единоличников.

Началась весна, нужно было сеять хлеб. У Проньки Перышкова был один конь Гнедко, у нас с мамой тоже была одна лошадь Серуха. На двух конях мы пахали и боронили. Мы вдвоем с Пронькой сумели вовремя произвести все сельхозработы.

19 мая закончили с посевной. Вечером приехали домой. Мама меня встретила плохим известием:

– Паша, нам приказали завтра на запряженной лошади явиться к хутору Камчатка, где будет сбор всех кулаков.

...Около хутора на лугу разместились, каждый на своей телеге, «кулаки» Алтайского района. Они были окружены вооруженной милицией, и никто не мог выйти из круга. Там мы пробыли около недели. Хорошо, погода стояла теплая.

Продолжение следует.

«КУЛАЦКОЕ ПЛЕМЯ»

Продолжение.
Начало в №122.

Наших, каменских, людей было много: Щипуновы, Яркины, Колесниковы, Юдины и многие другие. Тогда, чтобы выполнить план раскулачивания, чиновники сельсовета «раскулачивали» середняков и даже неугодных бедняков. В нашем селе «раскулачили» Костюху Курносова, который жил очень бедно. У него была больная жена, дети – четверо девочек. Костюха работал один на шесть едоков и беднел с каждым годом. В конце концов он вынужден был разбирать вторую половину дома на дрова, чтобы отапливать помещение, где они жили. И вот его семья – больная жена с четырьмя девочками – сидит на телеге среди «кулаков»...

Так выполняли «план». Представитель власти Тутукин Павел был настолько активный, что родного брата раскулачил и сослал в Нарымский край.

...29 мая 1931 года нас при-

везли в Бийск на железнодорожную станцию. Стали загружать в товарные вагоны. Охрана относилась к нам издевательски: одинокие женщины, имеющие много детей, мучились при погрузке в вагоны, а милиция не позволяла мужчинам помогать им.

Погрузили в вагоны тесно, закрыли на запор, и... начали катать по станции. Катали с 18 часов 29 мая до утра 31-го. Так показывали нам «непримиримую вражду к кулацким семьям».

Утром 31 мая нас повезли до Томска. В Новосибирске опять «катали» более суток в закрытых вагонах. Люди вынуждены были оправляться прямо тут же. Задыхались в зловонии: никому не позволено было из вагонов выходить.

...На десятый день нас привезли в город Томск. С железнодорожного вокзала на подводах перевезли на пристань, на берегу реки Томь. В этот день начался дождь. Все «кулацкие» семьи находились на берегу под откры-

тым небом, без всякого укрытия. Грязь была невероятная. Ужасно трудно было пребывать в таких условиях, а женщинам с маленькими детьми и старикам было еще труднее. Мне тогда шел тринадцатый год, я хорошо помню все эти издевательства.

Помучились на пристани Томска до 14 июня. А пристани-то и не было: просто берег, и все. 14-го вечером подали три громадных баржи. Нас хотели всех загнать в трюмы, но все туда не вошли. Столько много было народу, что не только в трюмы – на палубы еле вошли.

Сейчас трудно это себе представить, но на громадной барже некуда было ступить. На всех была одна одноместная туалетная уборная: сделанная из досок, как скворечник, она была прикреплена к борту баржи и подвешена над водой. Сразу к туалету образовалась большая очередь. Были случаи, стоящие в ней люди, не дождавшись своей очереди, марались... Свирепствовала антисанитария. А конвоиры

радовались, глядя, как люди страдают.

В конце дня 15 июня подошли два парохода. Прицепили баржи и потянули по реке Томь. На Оби соединили баржи так: одну впереди, две сзади, и их потянул один пароход. Он двигался очень медленно.

За время движения на баржах все было загажено, не за что было взяться. Вонь, духота ужасная... К 20 июня баржи подошли к Колпашеву. Здесь их разделили и потянули по одной дальше вниз по Оби, а потом по Кети. Шли против течения пять дней, проехали около 200 километров.

Одну баржу из Кети по реке Суйга затащили до поселка старожилов Палочка (около 3 км от Кети). На Палочке баржу разгрузили и всех «кулаков» разместили на четыре поселка. Сначала их так и называли: – 1-й, 2-й, 3-й, 4-й, а через год назвали: Палочка, Городецкий, Суйга (название четвертого забыл).

Продолжение следует.

«КУЛАЦКОЕ ПЛЕМЯ»

Продолжение.

Начало в №№122, 124.

Вторую баржу через сутки остановили у высокого берега. Людей выгрузили и разделили на пять групп по поселкам. Их тоже сначала называли по номерам, а через год это стали поселки Белый Яр, Луговской, 1-я Полуденовка, 2-я Полуденовка и Малышка (он был маленький). Поселки, также, как на Палочке, разместились друг от друга от 2 до 5 км.

Нашу баржу, шедшую первой, подняли вверх по Кети от Белого Яра на сто километров. Благодаря большой воде (старожилы говорили, сто лет такой не было), пароход затянул баржу в речку Чучамгу до пяти километров. Все «кулаки» с баржи были высажены на сухой бугорок, заросший кустарником и разным лесом. Тут стояло много крупных обгорелых пней – метров по 5-8, лежали горелые бревна. Когда-то здесь был сосновый бор, потом он погорел. К нашему приезду образовалась непроходимая местность.

Нас заедал комар. От него спастись негде, и защиты никакой. Все мы были сосланы с безлесных мест, и никто не знал, как вести себя в тайге. Были случаи, пойдет человек в сторону оправиться – и заблудится.

На этом бугорке мы пробыли два дня, потом нас стали разгонять по поселкам. Их образовали четыре, друг от друга по 2, 7, 8 километров. Нашу семью загнали в самый дальний. Прибыли мы кто пешком, кто на лодке.

На берегу Чучамги натянули палатки, у кого какая была. Первое время кушали продукты, привезенные с собой (нам ничего не выдавали). Чистой воды не было. В первую неделю заболела брюшным тифом мама, за ней брат Андрей, а следом – я. Врачей у нас не было. Был из «кулаков» Евсей Фомин, который понимал в этом деле. Имел свой градусник и кое-какие лекарства. Он многим помогал.

С первых дней стали назначать на работу корчевать лес и расчищать место под посев ржи и овса. Весь поселок распределили на группы по десять семей и обязали каждую построить себе к зиме дома. А как их строить, когда нет инструмента? На два десятка семей была одна пила и на десяток – один топор.

С нашего десятка восемь человек готовили бревна километрах в двух от поселка и на себе таскали их к месту, где строить дом. А мой отец и Мирон Балыкин ходили строить большое двухэтажное здание школы. В нашем десятке были все из одного села, Нижняя Каменка: Тутукины, Курнособы, Балыкины, Гнездиловы, Третьяковы, по две семьи Юдиных и Нечаевых, Близнецовы.

Своих продуктов хватило ненадолго. Нам стали давать паек. Кто ходит на работу – две чайных чашки муки на день, неработающим – по одной чашке. Трудно описать действительность, в которой находились «кулаки». Голодные люди при такой работе становятся беспомощными и слабыми...

Но, как трудно ни было, к началу зимы дом был построен. Двери делать было нечем, а окна давным – завешивали их одеялами. Для света в печи, самодельно сбитой из глины, были сделаны горнушки, в которых жгли смолевые лучины. Вдоль стен стояли нары, на которых мы все лежали – по пять семей в каждой из двух «комнат». Соблюдать чистоту возможности не было: более полугодом мы нигде не мылись, не меняли белье. Заедала вошь – она по всем открыто ползала.

В начале зимы нас стали называть не кулаками, а спецпереселенцами. Поселки стали называть так: первый – Клюквинка, второй – Карасевка, третий – Березовка, а наш четвертый – Озерный.

Первые месяцы в каждом поселке находился вооруженный комендант. Кроме того, были старосты – из нашего брата, из

«кулаков». Те, кто выдавал паек из специально построенных ларьков, тоже были из «кулаков». Вокруг коменданта и старосты вились всякие подхалимы и стукачи. Они были из числа «кулаков» и из кожи лезли вон, помогая коменданту как можно сильнее обидеть беспомощного спецпоселенца. Они занимались такими делами, что не давали голодным людям ловить рыбу, собирать ягоды, грибы.

Хорошо помню такой случай. Группа женщин сделала из вязаных кружевных скатертей невод-бредень и стала ловить рыбу. С хорошим уловом пошли домой. Их встретил стукач Яшка Х-н. Он объявил их арестованными и отвел к коменданту. Там рыбу у них отобрали, а невод топором изрубили в мелкие кусочки.

По приезду в четвертый поселок почти сразу стали умирать дети. Каждый день – до десяти человек. К осени стали умирать взрослые, и очень много. Однажды у нас в одну ночь умерла большая семья Калачиковых. Их было двенадцать человек, остался жить только один мальчик. (Ему шел 12-й год, мы с ним потом учились в одном классе.) В зиму 1931-32 годов дошло до того, что умирало каждый день людей много, хоронить было некому.

...Мой брат Андрей на пару с Поповым Иваном трижды пытались бежать, но их ловили и по неделе держали под охраной в землянке голодными. В четвертый раз они самовольно ушли в организованный на Макзыре (около 40 км от Озерного) леспромхоз. Мама рада была, что получилось все хорошо. А в феврале опять несчастье: приехали чиновники ОГПУ, арестовали папу и увезли в Томск. Остались мы с мамой вдвоем. Мне как ученику давали 8 килограммов муки на месяц, маме как иждивенке – 6 килограммов. Хватало на жидкую болтушку. Мы с мамой ужасно голодовали.

Продолжение следует.

«КУЛАЦКОЕ ПЛЕМЯ»

Продолжение.

Начало в №№122, 124, 127.

...В конце мая 1932 года наш староста поселка сказал:

– У вас Андрей работает в леспромхозе, поэтому паек ваш тоже в леспромхозе. Вы его можете получить только там, здесь вам паек давать не велят. Комендант говорит, пусть вас леспромхоз кормит.

А к весне леспромхоз на Макзыре закрыли. Все люди были переброшены на лесоучасток у деревни Карбино. Туда от нашего поселка дорогу никто не мерял, на глаз считали – более 50 километров.

Делать нечего. Мама поплакала и была вынуждена проводить меня в путь без куска хлеба. Дала мне 50-копеечную монету. Я, голодный, пошел на второй поселок: мы слышали, там люди жили немного сытнее. В поселке зашел к знакомым, рассказал, что случилось с нами. Они поохали, пожалели нас, но покушать мне не дали – было нечего.

...Я дошел до впадения реки Чучамги в Кеть. Там на берегу стоял сарай, считалось – пристань. У пристани мне попал навстречу молодой парень (я узнал его через два года – Савилов Борис). Он нес свежепойманного язя, с килограмм весом. Я у него попросил продать язя за мои 50 копеек. Он дал язя, я положил его в какую-то сумку, бывшую при мне. Борис

рассказал, как пройти до деревни Мулешка.

...Прошел около 30 километров и вышел к Мулешке на возвышенность, откуда хорошо было видно деревню. Под ногами, как подушки, кочки, покрытые мхом. Я выбился из сил. Попытался сесть на одну кочку и упал лицом вниз. До Мулешки идти чуть больше километра, а у меня нет сил даже сесть.

Солнце клонилось к закату. Мне стало жутко. Думаю, вот стемнеет, и буду умирать. И вдруг вспомнил: ведь у меня в сумке рыба! Лежа подтянул сумку, вынул язя и стал его сырым есть. Съел полрыбины и сразу почувствовал в себе силу. Потихоньку поднялся и пошел в Мулешку.

(Павел Нечаев дошел-таки до Карбино, но брата там не было. Выручил мальчишку начальник Карбинского лесоучастка, снабдив его хлебом и отправив домой. Паек Павел с матерью, естественно, должны были получать не в леспромхозе, а по месту поселения в Озерном. Отказ коменданта в пайке – чистой воды произвол, который в первые годы «кулацкой» ссылки творился повсеместно и безнаказанно. Практически все спецпереселенцы первых лет комендантов той поры иначе как «зверьями» не вспоминают. Хотя были и редчайшие исключения. Позже состав комендантов стал меняться.

Нечаевы жили в маленьком домике,

который успел до ареста поставить отец. В 1933 году пустили на квартиру вдову Драчеву с двумя детьми).

...Шел апрель 1933 года. Мама моя болела, еле двигалась. Все лежала на русской печи. Я все-таки держался на ногах, потому что раз в день чуть-чуть кушал в школе.

Я знал, что на конной базедохнут кони. Конюхи их обдирают, а туши вывозят в лес за 3 километра от поселка, где голодные мужики с топорами ждут. Конюх не успеет ободранную лошадь свалить с саней, как ее сразу рубят и растащат.

29 апреля сдохла лошадь, мне стало об этом известно. Пошел на конюшню, там работал наш земляк, каменский, Косых Николай. Он мне говорит:

– Я сейчас эту дохлую лошадь обдеру и тушу повезу в лес во-он по той дороге. Ты сейчас иди домой, возьми сумку, хороший ножик и выходи на дорогу в таком месте.

Я так и сделал, как он сказал. На дороге мы с Косых нарезали мякоти мяса, положили в сумку около пуда, и я пошел домой. Зная, что могут прийти активисты и забрать мясо, я спрятал его в тайник. Немножко оставил «для блезира», чтобы когда придут активисты, мог признаться, что мясо есть и отдать его (если придут, значит, кто-то донес, будешь отпираться – обыск сделают).

Окончание следует.

Окончание.
Начало в №№122, 124, 127,
128.

Активисты явились скоро. Грубо обратились ко мне:

– Паршивец, где у тебя мясо?!

Я отвечаю:

– Вот оно.

И отдаю кусок, около килограмма. Они поискали еще немного, успокоились и ушли.

Я нарубил мясо, начал его в муке катать (купил на деньги, присланные двоюродным братом в тот день). Мясные шарики сварил.

Мама в это время сидела на печке, поджав ноги под себя, ни на что не реагировала. Я сваренное положил в тарелку и стал маме подавать, чтобы поела. А она сидит и не обращает внимания. Я тогда говорю:

– Мама, что ты кушать не берешь? Обиделась, что ли?

МЕМОРИАЛ

Шевельнул ее за локоть, а она сразу откинулась назад, упала на спину и захрипела. Я закричал:

– Мама умирает!

Подбежала тетя Драчева и стала приводить маму в чувство. Говорит мне:

– Беги в контору, там сейчас дают для детей молоко, попроси с чайную чашку и неси быстрее сюда.

Я схватил чашку и побежал в контору. Молоко как раз раздавали наш родственник Иван М-ов с женой.

– Дядя Ваня, моя мама умирает! Дайте мне немножко молочка, ради Бога!

Он даже не повернулся ко мне. А его жена говорит:

— Молоко выдаем по литру

«КУЛАЦКОЕ ПЛЕМЯ»

только маленьким детям, а вам не положено.

Тогда я побежал к Сенчихиным. Они уже получили на маленького Васю литр молока, и Маланья Михайловна налила мне молока в чашку.

...Тетя Драчева раскрыла маме рот и влила молоко. Но оно уже не пошло, полилось назад. Мама продолжала хрипеть. Перед утром она затихла.

Было 30 апреля 1932 года.

...После похорон я пошел к дяде Павлу Сенчихину. Он сильно болел, не мог вставать и выдох как щепка. Но он хорошо соображал и говорил. Дядя Павел ужасно не хотел умирать.

Он мне сказал:

– Тут вербовщик приехал, на-

бирает людей для работы в лесохиме. Ты найди его и попроси взять с собой. Если он тебя возьмет, будешь жить. А если останешься здесь, не выживешь, погибнешь.

* * *

Так 14-летний Павел Нечаев прошел «первый курс» науки выживать. Потом этих «курсов» было еще несколько. Но он выжил. В 1942 году был призван в армию. Воевал связистом сначала в 28-й отдельной лыжной бригаде, потом в 37-й гвардейской стрелковой дивизии. Награжден медалью «За боевые заслуги». После войны долгое время оставался в армии на сверхсрочной службе.

Сейчас П. А. Нечаев живет в

Твери. Он один из тех уже немногих, кто на себе пережил «кулацкую ссылку» в самое лихолетье. А было их несколько миллионов. Об этой трагической странице нашей истории теперь вспоминают крайне редко – разве что под выборную кампанию, да и то лишь для политической корысти. В августе, например, совершенно не был замечен тихий «кулацкий юбилей»: 50 лет назад, в 1954-м, с «раскулаченных» были сняты последние ограничения в правах.

От «кулаков»-спецпоселенцев потомкам мемуаров практически не останется. Слишком непривычный для них жанр. И тем ценнее труд, совершенный Павлом Александровичем Нечаевым, – описать без прикрас, как все было. Спасибо ему за это.

Подготовил
С. УРАЗОВ.